

1000 =

К 1236229

Спонсоры издания:

- Вологодская областная организация общества любителей книги
- Газета "Русский Север" (г. Вологда)
- КИФ "Вестник" (г. Вологда)
- Особую благодарность автор выражает за значительную материальную и моральную поддержку в издании книги начальнику Управления культуры Администрации Вологодской области Кудрявцеву Владимиру Валентиновичу и краеведу Калининной Татьяне Ивановне.

Владимир
Кунов

Типография областстатистики. Вологда, ул. Кирова, д. 16.
Формат 84x108/16 бумаги в типографская №1, усл. печ. л. 3.8.
Тираж 50 экз. Цена договорная. 34x148

« И храм старины ... »

г. Вологда, 1995 г.

ВЛАДИМИР КУНОВ

Родился в селе Ольховке Воронежской области. В 1982 году окончил филологический факультет Ленинградского университета. Публиковался в областных и республиканских газетах, в коллективных сборниках «Встречи», «Сполохи», «Любимое... и безответное».

Автор статей и очерков о Бунине, изданий «Бунин на севере», «Поэты-символисты на Вологодчине». Живет и работает в Вологде.

В Суходоле

(ОЧЕРК О ПОЕЗДКЕ В БУНИНСКИЕ
МЕСТА ПОД ЕЛЬЦОМ)

В Елец я прибыл под вечер. На автовокзале заранее узнал о маршруте в сторону бунинских Озерок, куда отправиться мог я только на следующее утро. К вечеру погода наладилась. Сквозь облака проглядывало солнце. Долго бродил я по спускающимся к реке Быстрой Сосне кривым улочкам так хорошо сохранившегося старого города, отмотавшего в 1986 году свои 840-летие. Известно, что в Ельце Бушин утонул около четырех о половиной лет в мужской гимназии. После рождественских праздников 1886 года он в гимназию не вернулся, так как его отец отказался платить за обучение. Однако годы, проведенные в Ельце, оставили в его душе неизгладимое впечатление. Елец он изобразил в самых значительных своих произведениях.

По узкому пешеходному мостику, перекинутому через Быструю Сосну, я перешел в заречную часть города. От реки поднимался вверх по старой Аргамачевой улице, на которой по обеим сторонам стоят вросшие в землю одноэтажные домишки бывших купеческих лабазов и складских помещений. С заречной стороны хорошо открывался левый берег реки с живо-

писной панорамой старого Ельца. На холмистом берегу реки, как сказочный видтязь, возвышался над разбросанными по бокам домами и небольшими церквушками пятиглавый, ныне действующий собор — творение известного зодчего К. Тона.

Глядя на панораму этого древнего русского города, я думал о всех тяжелых испытаниях, выпавших на его долю. Набеги половцев, татар, разграбление и опустошение в 1395 году войском Тамерлана, оккупация в 1919 г. мамонтовцами, а в декабре 1941 года фашистами — вот что испытал Елец — южный оборонительный форпост на подступах к Москве. Я думал о вкладе этого края в сокровищницу мировой культуры. Вспоминал писателей, живших и побывавших в нем. Ведь на этой орловской земле жила и творила такое мастера слова, как И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, А. А. Фет, М. М. Пришвин, а в 25 километрах от бунинских Озерок, в деревне Кропотово, гостил в имении своего отца юный М. Лермонтов.

После хмурого дня, проведённого в дороге к Ельцу и в знакомстве с ним, после бивуачной почевки

ими названном с добавлением лишь фамилии ее бывших владельцев.

Из «Экономических примечаний Елецкого уезда Орловской губернии», хранящихся в орловском областном архиве, известно о том, что Каменка — Бунина возникла в первой половине XVIII века и значилась как «деревня Семеновское, о 12-ти дворах, принадлежащая Никифору и Дмитрию Семеновым, детям Бунина».

Осваивая в этих местах Бунины, составляли наивысший слой русского мелкопривилегированного дворянства. Жизнь их мало чем отличалась от жизни простоародья и составляла единое целое с жизнью деревни. «Дворья, деревня и дом в Суходоле составляли единую семью». Отсюда, из этой небольшой деревеньки Каменки, тянулось нити духовного формирования Бунина. От отца, от своей тетки Варвары Николаевны, от дворовых, он перенимал русские песни, слышал разные повествования, учился у них разговорному русскому языку. «Бывшие наши дворовые, — писал Буниц, — страстные мечты и мечтатели — где они могли отвести душу, как не в нашем доме. И первый язык, на котором мы говорили, суходольский». Близость к жизни народа, анализ его быта и фольклора — все это зарастало Бунина, замечательные художественные слова.

В Каменке-Бунино была дачка. Небо было безоблачно и ничто не предвещало

прихода дождя. В чаще лопухов от жары прятались куры. В тева старых ветел, на лавочках у старинных кирпичных изб, крытых соломой, сидели доживающие свой век старухи, старики, которые с какою-то потаенной грустью смотрели куда-то вдаль, туда..., за свою Каменку, на ржаное поле, на полевую дорогу, уходящую к Ворголу.

Глядя на эти чудом сохранившиеся соломенные крыши изб, под которыми проходила жизнь многих крестьянских поколений, глядя на эту заповедную, так хорошо знакомую по извести «Суходол» местность, я в душе благодарил судьбу, время, людей, которые ради памяти о Бунино не стерли с лица земли этот тихий уголок полевой крестьянской Руси.

Бунинские Озерки находятся в километрах в двух от Каменки. Меня сопровождал туда Иван Николаевич Красов, стержня Каменки-Бунино. Несмотря на свои 88 лет, он довольно быстро шел вперед меня, рассказывал мне о Бунино все то, что слышал от матери и папы. «Раньше мы жили в Озерках, — говорил он, — Бунины были нашими соседями. Дед мне рассказывал, что мальчиком Иван Алексеевич прятался у него от гнева отца». В «Жизни Арсеньева» Буниц изобразил Озерки под названием Батурино. Это была важничья деревня, с садами и помелькими прудами. Из рассказов И. А. Бунина жене, В. Н. Муромцевой-Буниной известно, что в деревне он

был человеком веселым и общительным. «По вечерам он уходил «на часок» в очередную избу «на посиделки», — писала В. Н. Мудомцева-Бунина, куда входил оживление своими шутками и рассказами. Ходил на улицу, где «страдали» и плясали, и он сам иногда придумывал «страдательные» или плясовые, которые вызывали смех и одобрение».

В озерскую усадьбу Бунины переехали в 1883 году с соседнего хутора Бутырки. Она им досталась по наследству после смерти бабушки Бунина по матери, Анны Ивановны Чубаровой, происходившей из старинного княжеского рода Чубаровых, разжалованных Петром I за содействие царевне Софье. Особый интерес вызывает то, что А. И. Чубарова доводилась отцу писателя, А. Н. Бунину двоюродной сестрой, следовательно А. Н. Бунин приходился своей жене двоюродным дядей. Брак А. Н. Бунина на Л. А. Чубаровой был обусловлен родственными связями и соседством их имений.

Озерскую усадьбу Бунины изобразил в рассказе «Антоновские яблоки», как имели старосветской помещицы, тетишки Алены Герасимовны. В конце прошлого века на возвышенности, над небольшим прудом там стоял одноэтажный, приземистый деревянный дом с

«необыкновенно высокой и толстой соломенной крышей, и череншей и затвердевшей от времени. «Мне его передний фасад, — писал Бунин, — представлялся всегда живым: точно старое лицо глядит из-под огромной шапки впадинами глаз, — окнами с перламутровыми от дождя и солнца стеклами. А по бокам этих глаз были крыльца, — два старых больших крыльца с колоннами».

За домом были хозяйственные постройки: амбары, рига, каретный сарай, сад с плодоносящими антоновскими яблонями, послуживший в написании рассказа «Антоновские яблоки». Однако, с поэтизацией усадебного дворянского быта Бунина в этом рассказе отмечал: «Запах антоновских яблоч исчезает из помещичьих усадеб, наступает царство мелкопоместных, обедневших до нищества».

Повсеместное дворянское оскудение не обошло стороной и Бунины. Отцу Бунина Алексею Николаевичу, потомственному дворянину, участнику Крымской войны, состоящему в анаместве с Л. Н. Толстым, человеку беспечному, промотавшему состояние, придется часто просить помощи у старшего сына Юлия. Однако Бунин, несмотря на некоторые слабые стороны личности своего отца, уважал его за романтическим склад души, за его умение хорошо и полно играть под гитару старинные песни и романсы. Безысходностью, сожалением и грустью, основным проце-

нием наполнены слова Бунина в романсовом стихотворении «На хуторе» обращенном, по всей вероятности, к отцу:

Свечи нагорели,
долг зимний вечер...
Брови ты приподнял,
грустен тихий взгляд...
Не судья тебе я
за грехи былого!
Не воротись жизни
прожитой назад!

Разорившаяся озерская усадьба Буниных в 1893 году за бесценок была продана соседнему помещику Цвилленеву. Потерявшие Озерки, Бунины жили у своих родственников, а самому И. А. Бунину незадолго до полного разорения и утраты имения, по выражению его матери, «с одним крестом на груди» 19-летним юношей пришлось покинуть родительское гнездо и в Орле зарабатывать себе на хлеб журналистской поденщиной. Попрощавшись навсегда с родным домом, Бунин в 1891 году писал:

В то сельенье,
где шли молодые года,
в старый дом, где я
первые песни слалал,
Где я счастья и
радости и любви ждал.
И теперь же всеначе
никогда, никогда.

Хотя время и занесло следы старинной усадьбы, заново возродить дом Буниных и все то, что его окружало, взялись студенты Елецкого педагогического института под руководством ученых-бунниноведов. Начали с раскопок фундаментов бывших построек усадьбы, на основании которых будут строить новые. Архитектором Александром Новосельцевым был воспроизведен макет усадьбы Озерок. Теперь мы имеем о ней полное представление. Под окном бывшего дома Буниных, где росла столетняя ель, студенты раскопали могучие корни. Теперь в этом месте посажено молодое деревце. Я до будущего лета прощался с Иваном Николаевичем Красовым, ставшими мне близкими бунинскими местами. Пройдут годы—в Озерках, под Ельцом, молодые энтузиасты построят усадебный дом, посадят сад с антоновскими яблонями, и этот тихий полевой уголок крестьянской Руси, который так любил и тосковал по нему Бунин, станут посещать люди, как же как и Спасское, Лутовиново, Ясную, Цыдику, Константиново...

Ее любил БУНИН

*Ах, как давно я не был там...
Жил когда-то в России, чувствовал
ее своей...*

(М. БУНИН. Поздний час.)

1. В ПОЗДНИЙ ЧАС

Пожалуй, ни в каком другом зарубежном рассказе Бунина не выражено так сильно чувство ностальгии по России, как в его рассказе «Поздний час», вошедшем в книгу «Темные аллеи». Бунин творческим воображением переносит себя на родину, в уездный степной город Елец. В городе на Быстрой Сосне прошли его гимназические годы, были встречи-разлуки его с любимой Варварой Пашенко... Там на окраине недалекого от Ельца небольшого городишки Ефремова остались его родные могилы... Елецкому краю принадлежала основная часть его души, которая питала его бессмертные произведения.

Бунин гуляет по ночному уснувшему Ельцу. По ухабистой мостовой Стерой улицы, мимо запыленных купеческих домов, он идет в сторону дома Пашенко. Однако до дома, где жила Пашенко, он не доходит, подумав о том, что в нем теперь живут иные люди. Возле какого-то купеческого дома сидит на тумбу, вспоминает прошлое.

«Я все-таки не решился прийти до вашего дома. И он, верно, не изменился, но тем страшнее увидеть его. Какие-то чужие, новые люди живут в нем теперь. Твой отец, твоя мать, твой брат — все пережили тебя, молодую, но в свой срок тоже умерли. Да и у меня все умерли, и не только родные, но и многие, многие, с кем я, в дружбе или приятельстве, начинал жизнь, давно ли начинали и они, уверенные, что ей и конца не будет, а все началось, протекло и завершилось на моих глазах».

Бунин вспоминает Варю, какой она была в те далекие годы: «просто убранные волосы, ясный взгляд, легкий загар юного лица, легкое летнее платье, под которым непорочность, крепость и свобода молодого тела... Это было начало нашей любви, время еще ничем не омраченного счастья, близости, доверчивости, возторженной нежности, радости...» А в конце повести «Лирика», написанной как и рассказ «Поздний час» в 1933 году, вспоминая Пашенку. 63-летний Бунин пишет: «Недавно я видел ее во сне — единственный раз за всю свою долгую жизнь без нее. Ей было столько же лет, как тогда, в пору нашей общей жизни и общей молодости, но

в лице ее уже была прелесть увядшей красоты. Она была худа, на ней было что-то похожее на траур. Я видел ее смутно, но с такой силой любви, радости, с такой телесной и душевной близостью, которой не испытывал ни к кому никогда».

* * *

В Елец я приехал в конце августа. Засидевшись допоздна в городской библиотеке, вышел на улицу. Был теплый тихий вечер. Я направился к величественному Вознесенскому собору, желая попасть на «вечерю». И не попал — опоздал. Я подошел к собору, когда чернобородый священник — настоятель собора — уже сидел в свои зеленоватые «Жигули», от храма по кривым улочкам провинциального городка брели в черном одеянии благообразные старушки... Нищие, благодаря «господа бога», рассовывали по своим карманам мелочь, складывали в котомки мирские подаяния — куски хлеба. Над Соборной площадью и близлежащими к ней улицами царил полумертвая тишина. Лишь кое-где, нарушая эту тишину, шли мне навстречу счастливые молодые парочки, свидетельствующие о том, что на свете по-прежнему есть любовь, что жизнь продолжается..

Той же Старосельской улицей, по которой много раз на свидание ходил Бунин, в поздний час я шел к дому, где жила Пашенко (ныне улица Пушкина, д. 57). Дорога от Вознесенского собора спускалась вниз к старой мельнице.

Шел мимо тех же напыленных кирпичных и деревянных приземистых особняков, о которых писал Бунин. И вот, в получасе медленной ходьбы от храма Вознесения, немного не доходя церкви Михаила Архангела в Лучку, я приблизился к ранее мне знакомому по фотографии дому. Несмотря на свой почтенный возраст, бывший дом врача Пашенко хорошо сохранился. Дом частный, принадлежит шести хозяевам, благодаря старанию которых и ухожен. В конце прошлого века через калитку у дома во двор и сад входил Иван Бунин. В саду его ждала Варя. О своем свидании с ней он писал в вышеупомянутом рассказе: «И вот в такую ночь, в тот поздний час, когда в городе не спал только он один (сторож. — В. К.), ты ждала меня в нашем уже подсохшем к осени саду, и я тайком проскользнул в него: тихо отворил калитку, заранее отпертую тобой, тихо и быстро пробежал по двору и за сараем в глубине двора вошел в пестрый сумрак сада, где слабо белело вдали, на скамье под яблонями, твое платье, и, быстро подойдя, с радостным испугом встретил блеск твоих ждущих глаз».

Встретившие меня у калитки две приветливые старушки, узнав цель моего визита, любезно пригласили во двор, Заливистым лаем встретила дворняга. Обходя ее, я пробирался в глубину сада. Слева, почти в углу, я увидел старую-престарую грушу. Что-то внутри оборвалось, часто забилося сердце. Возможно, не раз стоял под ней с Варей Бунин.

2. Смятение чувств

С дочерью елецкого врача Варварой Пашенко, окончившей женскую гимназию, Бунин познакомился летом 1889 года в Орле. Встреча произошла в редакции газеты «Орловский вестник», куда начинающий литератор был приглашен работать редактором Н. А. Семеновой. В. В. Пашенко доводилась племянницей сожителю Семеновой — Б. П. Шелехову.

«Вышла к чаю утром девушка высокая, с очень красивыми чертами лица, в пенсне» — так в письме к брату Юлию Бунин описывает свою первую встречу с Варей Пашенко. Обаятельная девушка навсегда поразила сердце молодого впечатлительного юноши. Дальнейшие их встречи были не только в Орле, но и в Ельце, а также в имении Бибиковых — в селе Нижний Воргол. С каждым разом их встречи перерастали в невозможность жить друг без друга. С августа 1891 года Бунины и Пашенко начали совместную жизнь в Орле. Однако брак их без благословения родителей Вари был не узаконен. Состоятельный врач В. Е. Пашенко, раньше державший в Харькове собственную оперу, видел в полуниме журналисте Бунине не ровню своей дочери. Поэтому своим отношениям молодым людям приходилось долго скрывать. Варвара работала в управлении Орловско-Витебской железной дороги. Бунин, оставив работу в «Орловском вестнике», переезжает в Полтаву, к брату Юлию, которого просит найти

место и для Варвары Владимировны. В Полтаве Бунин некоторое время работает библиотекарем, статистом в земском управлении, пишет для местной прессы статьи на сельскохозяйственную и другие темы. Связь с Варварой Пашенко поддерживалась перепиской. В письме к Пашенко от 17 марта 1892 года Бунин пишет из Полтавы: «Каждое солнечное утро, когда я через городской сад иду в библиотеку, чувствую теплый легкий ветер, который сушит дорожки, вызывает во мне воспоминание о прошлогодней весне, о елецком городском саде и об милой, высокой девушке, которая, в своем драповом пальто, в картузике, быстро идет по аллее и близоруко выглядывается, ищет меня!»

В августе 1892 года Варвара переезжает к Бунину в Полтаву, где работает в уездной управе. Далеко не безоблачной была их совместная жизнь. Не только радостями, но и огорчениями, взаимными упреками, размолвками сопровождалась она. Несмотря на взаимную симпатию друг к другу, Бунин и Пашенко по своему характеру, духовным интересам были совсем разные люди. Склонный к идеализации, Бунин постепенно стал прозревать, видеть то, что Пашенко не соответствует его идеалам. Воспитанную в достатке, ее тяготила его материальная неустроенность, ей были чужды мысли и творческие планы. 4 ноября 1894 года, воспользовавшись отсутствием Бунина, Пашенко уехала из Полтавы, оставив ему записку: «Уезжаю. Ваня, не поминай меня лихом».

Разрыв отношений с Пашенко для Бунина был огромным душевным ударом, он был на грани самоубийства. Боясь печального исхода, братья Бунина Юлий и Евгений увезли Ивана в елецкую деревушку Огневку, в имение Евгения Алексеевича. Вскоре Евгений Алексеевич узнал от кого-то, что Варвара Пашенко вышла замуж за друга Бунина — Арсения Бибикова. В смятении чувств Бунин едет в Елец и там об этом сам узнает все подробности. Отчаявшись, он в Ельце не знает, что предпринять. Три часа метется между

домами Бибиковых и Пашенко. От душевного волнения у него на вокзале шла из носа кровь, он «страшно ослабел». Превозмогая себя, Бунин, наконец, садится в поезд и едет от близлежащей к Огневке станции Грушин Воргол.

Навсегда у него осталась в памяти эта кошмарная ночь. В письме к брату Юлию Бунину, оценивая случившееся, пишет: «Ах, ну к черту их — тут, очевидно, роль сыграли 200 десятин земельки». Однако не только материальные соображения побудили Варвару Владимировну Пашенко совершить такой решительный поступок. Нам известно, что было в конце концов дано ей отцовское благословение на брак с Буниным, но она это скрывала.

Да, любовь была, но она постепенно уходила. Судя по письму Пашенко к Бунину, посланному уже после окончательного разрыва, их взаимоотношения в Полтаве были далеко не ровными, предельно натянутыми: «Уважения друг к другу

у нас за эти два года не установилось... не выработалось...» Какая бы там ни была любовь, но без уважения влюбленных друг к другу настоящей супружеской жизни не построишь. Бунин был сложной, противоречивой натурой, и решиться на брак с ним для Варвары было равносильно тому, что броситься ночью в глубокий омут. Позднее он сам об этом говорил: «Варя правильно поступила, не связав своей жизни с моей. Такая женщина не должна быть женой творческого человека. Для этого в ее натуре не было необходимых черт».

Связывая свою жизнь с Арсением Бибиковым, который был на три года младше нее, «она чувствовала над ним свою власть, авторитет», так писала об этом браке жена Бунина В. Н. Муромцева-Бунина. Однако, несмотря на правильное осознание поступка Вари, в глубине души Бунина не утихало уязвленное самолюбие. Об этом свидетельствует его последнее письмо к Варваре Владимировне: «Ты хуже чем умерла для меня — мы переродились друг для друга, и я говорю не с теперешней тобой — чужою женой, а с прежней, которая может ожить на мгновение... А Варвару Владимировну Бибикову я презираю».

Дальнейшие отношения Бунина с Бибиковыми были холодно-ватыми, лишь чисто внешними. Живя с 1909 года в Москве, Бибиковы пытаются как-то наладить контакт с супругами Буниными, навешают их в московской квартире, но тень прошлого лежала между ними,

мешала взаимному сближению. Грешно говорить об этом — роковое ли то возмездие за разбитое счастье Бунина пало на семью Бибиковых, у которых вскоре умирает от туберкулеза единственная 13-летняя дочь, а 1 мая 1918 года 48-летней женщиной умерла от той же болезни сама Варвара Владимировна и была похоронена на Новодевичьем кладбище.

Недолго после смерти жены пожил Арсений Николаевич Бибиков, он в 1927 году в возрасте пятидесяти четырех лет скончался от чахотки. «Так исчез из мира, в котором я еще живу, человек, отнявший у меня В. Что случилось с его Ворголом, где в ту далекую летнюю ночь мы встретили с ней любовь?» — писал Бунин после смерти А. Н. Бибикова.

В БУНИНСКОЙ ОГНЕВКЕ

В жарком июле прошлого года меня опять потянуло в бунинский край, в изрезанное оврагами елецкое подстепье. На этот раз я решил побывать в Огневке — небольшой тихой деревушке, расположенной между Ельцом и Ефремовым, на границе Липецкой и Тульской областей.

С Огневкой связано около пятнадцати лет творческой биографии Бунина. После утраты отцовских Озерков писатель, возвращаясь из дальних странствий, после скитаний по чужим «наемным домам», надолго оседал в огневском доме брата Евгения Алексеевича. В Огневке, в уединенной деревенской жизни он обрел необходимый для творчества душевный покой. Жена Бунина В. Н. Муромцева-Бунина вспоминала: «В деревне он преобразился... Разложив вещи по своим местам в угловой, очень приятной комнате, он несколько дней, самое большое неделю, предавался чтению... А затем, незаметно для себя, начинал писать. За все время пребывания в деревне, как бы долго он там ни оставался, он жил трезвой, правильной жизнью... Почти нигуда не ездил, кроме того, что катался по окрестностям...». Впечатления огневской жизни отразились в бунинских произведениях. В огневский период Буниным созданы поэма «Листопад», стихотворения «Ту звезду...», «Саясан», «Одиночество», изумительно тонко переработана поэма Лонгфелло «Песнь о Гайавате».

Час езды в запыленном автобусе — и мы в бунинских местах. «Плоты... Здесь тебе выходить, — сказал мне услужливый разговорчивый попутчик. — Плоты — влево, а Огневка — направо».

Было обеденное время. Комбайнеры, убравшие пшеницу, обедали, спрятавшись от жары за кучей соломы. Я подошел к ним, спросил об Огневке. Приветливый приятный мужчина средних лет, бригадир машинно-тракторной бригады В. Ф. Ершов, решил подвезти меня на своем стареньком «газике» и показать Огневку.

«Самая погибельная наша черта: слово — одно, а дело — другое!». С этим высказыванием Кузьмы Красова в «Деревне» нельзя не согласиться. Много было в нашей стране планов на улучшение условий жизни, но «слов» часто расходились с делом. В чем же видит корень зла и всех бед россиян Бунин? В застое, в рутинном укладе жизни. Об этом говорит Кузьма Красов: «Русская, брат, музыка: жить по-свиньячи скверно, а все-таки живу и буду жить по-свиньячи!». Земля в елецком подстепье — «золотое дно».

Жить бы да жить людям на этом плодородном, кормившем многие крестьянские поколения, черноземе, если бы вовремя позаботиться властям об условиях жизни. В забытых богом глухих елецких деревеньках нет клубов, фельдшерских пунктов, магазинов. За самым необходимым: хлебом, солью, спичками крестьянам приходится зимой, уходя по колена в снег, идти многие километры в централь-

ные усадьбы или в соседнюю Тульскую область. Условия жизни почти такие же, какими они были 120 лет назад в отрезанном от внешнего мира бездорожным бунинском хуторе Бутырки. Сколько еще таких забытых «бутырок» на нашей кормилице российской земле!..

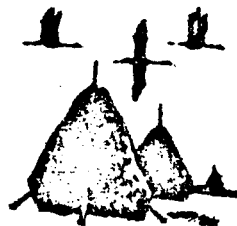

Вот и Огневка. Деревушка с двумя десятками добротных домов ограничена двумя большими перпендикулярно расположенными друг к другу сходящимися логами. Своими огородами деревня прижимает к бывшему бунинскому полю.

Ершов остановил «газик» в самом конце деревни, у перекрестка логов, где в чаще оврага, образованной логами, сохранились остатки плотин двух прудов, один из них, что напротив бывшей усадьбы Е. А. Бунина, до сих пор называется «барским». В душе моей была взволнованная радость от поразительного сходства огневского ландшафта с описанием его в бунинской «Деревне». «И дворов-то в этой Дурновке всего три десятка. И лежит-то она в чертовой яруге: широкий овраг, на одном боку — избы, на другом — усадьбишка. И перелазывается эта усадьбишка с избами».

Только в Огневке не увидишь теперь «глинобитных избы, под соломенной крышей, да на мысу, где сходятся лога, нет, как прежде, «двух раскрытых ветрянов».

За оврагом, где теперь стоят три кирпичных крестьянских дома, раньше стоял дом Е. А. Бунина. В доме иногда собиралась вся семья Буниных: отец, мать, гостила с детьми сестра Маша, приезжали братья, но, конечно, чаще всех приезжал Иван. От Бабарыкина до Огневки — рукой подать. Мигом довезут лужьяновские извозчики. В Огневке было все то, чего Бунину недоставало в городе: поездки по окрестным деревням, встречи с крестьянами, подогретые рассказами Евгения о деревне, местных обычаях, общении с никогда неунывающим отцом, «который без всяких слов умел его успокаивать, и иногда брал гитару и тихонько напевал приятным голосом старинные русские песни». Веселый характер отца был для Бунина бальзамом, залечивающим душевные раны. В кругу родных ему было легче пе-

ренести разрыв отношений с Варварой Пашенко.

«Несмотря на горе, он в это время с особенной зоркостью и остротой ко всему присматривался, — вспоминала Муромцова-Бунина, — все его ранило с особой силой — и нищета деревни, и декоративность помещичьих домов, и

какая-то отрешенность деревни от всероссийской жизни. Об этом же свидетельствуют и записи самого Бунина: «В эту зиму (после ее бегства, перед Москвой) осмотрел свой край — страшные картины! Елец, Огневка, Бабарыкино (сумерки волчи), мужицкие избы...». Впечатления огневской жизни помогли Бунину погасить душевные переживания и выстоять в трудное для него время.

Немного развеявшись от личных переживаний, Бунин по совету старшего брата Юлия Алексеевича в начале 1895 года едет в Петербург, а затем в Москву, где был тепло встречен в редакциях сто-

личных журналов, в которых и тому времени сумел опубликовать свои некоторые стихи и рассказы. В столицах он познакомился с известными поэтами и прозаиками: К. Д. Бальмонтом, А. П. Чеховым, Миррой Лохвицкой, с супругами Мережковскими, А. И. Эртелем, увидел писателя-воложжанина П. В. Зесодимского. В декабре 1896 года в Петербурге вышла книга рассказов Бунина «На край света». «За два года Иван Алексеевич сильно изменился, — вспоминала жена Бунина, — стал носить пышные усы, бородку, крохмальные высокие с загнутыми углами воротнички, темный галстук, бабочкой, темный двубортный пиджак». Таким его видели в Огневке.

Несмотря на то, что время и люди не пощадили огневскую усадьбу, во всем здесь видится присутствие самого Бунина: в притихшей над оврагом сонной деревушке Огневке, в старой дороге, полем идущей от ближнего полустанка Грунин Воргол, по

которой Иван Бунин после разрыва с Пашенко шел в тревожную декабрьскую ночь, в черноземных лощинах, с вьющейся над ними бабым летом паутиной, в суховеях над суходольными оврагами, в грозовых ливнях над Огневкой и окрестными деревнями.

В бунинской «Деревне» представлена вся округа Огневки. Около полустанки Грунин Воргол Бунин изобразил в повести постоялый двор и лавку Тихона Красова. С помощью «Деревни» можно представить все то, что писатель видел с крыльца и из окон усадебного дома. «С крыльца дома, — читаем в «Деревне», — влево видна была Дурновка (Огневка—В. К.), вправо — часть мыса: ветряк и школа».

Обстановка в доме Е. А. Бунина, по всей вероятности, была приблизительно такой, какой она изображена писателем в доме Тихона Красова в «Деревне»: «Комнаты были малы и пусты. В кабинете бы-

ла сыпана рожь, в зале и гостиной стояло только несколько стульев с продранными сиденьями» да «продаваемый диван». Гостиная окнами выходила в сад, где по осени рдели клены и липы».

Я думаю об Огневке: здесь писатель жил, охотился в окрестных лесах, бродил по са-

ду, встречал утренние рассветы, здесь им написаны произведения, принесшие мировую известность, но как совместить все это с забвением и запустением этой деревни?

Я с Ершовым прошелся по выгону. От барского сада осталось лишь несколько покालеченных елей, да кое-где кусты сирени. А в пятидесятые — шестидесятые годы, рассказывал мне Владимир Федорович, на некоторых огневских огородах плодоносили еще бунинские яблони, отошедшие во времена коллективизации крестьянам. Ершов водил меня к 80-летним огневским старожилам. Буниных они не помнят. Слишком давно это было.

Из Огневки в направлении в бунинские Озерки. Владимир Федорович Ершов подкинул меня на машине до обширного села Грунино-Воргольского, бывшего в XIII веке городом Ворголом. У невысокой полуразрушенной церквушки, на холмистом берегу Воргола, он остановил машину. В ограде церкви в декабре 1906 года был похоронен отец Бунина, Алексей Николаевич. Церковное помещение, в котором его отпевали, ныне занято колхозным складом. Кладбища давно уже нет. Лишь нормы сусликов на осевших холмах могил да суховей по берегам Воргола.

В ЕФРЕМОВЕ У БУНИНЫХ

Летом 1905 года в Орловском имении брата Бунина, Евгения Алексеевича Бунина, произошел крестьянский бунт, описанный Иваном Алексеевичем в повести «Деревня». Доведенные нищетой до отчаяния крестьяне Огневки подожгли усадебные хозяйственные постройки, о чем в письме от 14 июля 1906 года писал старший брат писателя Ю.А. Бунин своей гражданской жене Елизавете Евграфовне: «Еще до моего приезда / Ю.А. Бунин был в заграничной поездке — В.К. / у брата произошел пожар. Сгорели две кухни, скотный двор, три лошади / самые лучшие и дорогие /, свиньи, птица и прочее... Крестьяне нашей деревни составили приговор и объявили его брату. В приговоре сказано, что отныне у брата никто не может жить в работниках, кроме крестьян нашей деревни, а поэтому все посторонние должны быть немедленно удалены — иначе их снимут силой...». Такие же требования предъявляют Тихону Красову и возбуждовавшиеся крестьяне — дурновцы в «Деревне», их бунт тоже завершается поджогом.

Отношения Евгения Алексеевича Бунина с крестьянами становились враждебными и опасными для его жизни. В письме к Ю.А. Бунину сестра писателя М.А. Ласкаржевская сообщала, что Евгений Алексеевич «должен судиться с

мужиком который перед праздником /Троицей—В.К./ пробил ему голову камнем. Это его удружило, — поясняла она, — свой работник, они поссорились с ним за полевую работу, ну и тот подарушил Евгения». Напряженные отношения Евгения Алексеевича Бунина в какой-то степени отражены в «Деревне»: «...ходили слухи, что собираются дурновцы убить Тихона Ильича». Известно, что И.А. Бунин был очевидцем огневских событий и поэтому они отразились в его повести. В его округе, — писала жена писателя, В.Н. Муромцева — Бунина — летом было приблизительно то, что воссоздано в «Деревне» Бунина /в Дурновке/. Нас сожгли...», — сообщал тогда Бунин в письме К.П. Пятницкому из Огневки /Архив А.М. Горького. Напуганная крестьянским бунтом, семья Буниных решила переехать в ближний уездный город Тульской губернии. В огневской усадьбе осталась приглядывать за хозяйством жена Е.А. Бунина Настасья Карловна и с ней предчувствующий свою скорую кончину отец писателя, Алексей Николаевич Бунин. В то время писатель с своими близкими разделил долю беженцев в город, где начался привычный ему с гимназических лет скитания по «наемным» углам, о чем свидетельствует запись в его дневнике:

«16 июля 1906 г. Ефремов. Переезд с подворья Моргунова в дом Просел — кова, который мы сняли весь за 18 рублей в месяц. От Моргунова впечатление грустное. Двор в глубоком сухом навозе». Таким был этот заштатный городишка, торговавший кожей и хлебом.

В декабре 1906 года умер Алексей Николаевич Бунин, и Евгений Алексеевич, продав имение, навсегда расстался с Огневкой, купив себе в Ефремове одноэтажный кирпичный особняк в центре города. До революции он занимался винной торговлей и жил более-менее зажиточно. В его доме на Тургеневской собирались все Бунины: часто приезжали братья Юлий и Иван, гостила сестра Маша с детьми, жила мать, Людмила Александровна Бунина. В 20-е годы Евгений Алексеевич, имея незаурядный талант портретиста, работал учителем рисования в Ефремовской средней школе. На сохранившейся семейной фотографии брата Бунина начала 30-х годов — задумчивые неуверенные лица взрослых, не подростки серьезные лица детей. К этому времени Евгений Алексеевич из-за родственной связи с Буниным был отстранен от педагогической работы и лишился регулярного заработка. Вскоре после этого несчастья одно за другим обрушились на престарелого полуслепого человека, имеющего двоих малолетних детей: смерть жены, насильное выселение «властями» его с детьми из собственного дома, нищета, скитания по трущобам, неприкаянная старость.

Бездомного, его на окраине города приютила семья Коллаковых в своей ветхой времянке. Чтобы как-то заработать на кусок хлеба, он рисовал портреты горожан. В знак благодарности Коллаковым, почти слепой Евгений Алексеевич по памяти нарисовал портрет их юной дочери Ольги, который ныне находится в его бывшем доме, в экспозиции Ефремовского музея И.А. Бунина. Последнее время детей Е.А. Бунина опекали Коллаковы. Нищенское существование брата Бунина вызвало необратимые последствия. Он стал спиваться. В былые годы лощеный господин, носивший в Ефремове одну из самых шикарных бобровых шуб, он в конце своей жизни ходил в зимнюю стужу в кургузом потрепаном осеннем пальтишке. Декабрьским холодным утром середины тридцатых годов хозяйские дети его нашли замерзшим недалеко от той времянки, в которой он жил. Похоронили его, как нищего, в кое-как сколоченном ящике из почерневших досок, оторванных мальчишками от городских лавочек.

Года три тому назад мне удалось побывать в Ефремове. В семь пятнадцать утра туда из Ельца отправлялся старенький тепловоз, с единственным полупустым замызганным вагоном, с бачком для питьевой воды и прицепной к нему помятой алюминиевой кружкой. Несмотря на бессонную ночь, проведенную в зале ожидания елецкого вокзала, в вагоне мне было не заснуть. Да и как заснешь, если за окнами проплывали равнинные с

желтеющей нивой бунинские места Грушин Воргол, Бабарыкино, станции, на которые много раз приезжал Бунин, направляясь к брату в Огневку. Огневка, деревушка с двадцатью пятью крестьянскими домами, разбросанными по обочине ярути, ставшая прообразом елецкой деревушки Дурновки в «Деревне», находится на правой стороне от проезжей дороги на Ефремов. На одной балке с Огневкой расположено лермонтовское Кропотово, деревенька в шесть домов, где в имени отца гостил юный поэт. Медленный поезд часто останавливался на незнакомых полустанках, входивших изредка в вагон новые люди громко разговаривали с местной молодой проводницей. В Лобанове, уже недалеко от Ефремова, стояли дольше всего. Из вагона выгружали в лотках хлеб для пристанционного магазина.

«Когда — то в Лобанове хаживал известный талантливый писатель Николай Успенский», — вспомнил я. Здесь жила и умерла его жена, воспитывалась у деда лобановского священника осиротевшая дочь, а он, находившись по градам и весям необъятной Руси, истосковавшись по дочери, тайком уводил ее от деда, и продолжал с ней ходить по ярмаркам и кабакам, заливая вином свою пропавшую жизнь. Уже после смерти его, заинтересовавшись судьбой писателя, в 1889 году сюда заезжал молодой журналист Иван Бунин, расспрашивал все о нем у его тестя, вскоре написал о Николае Успенском статью, опубликованную

в «Орловском вестнике».

После трехчасовой езды показался расположенный на берегу знаменитой Красивой Мечи Ефремов... Высокая телевышка на кладбище, где ныне покоятся Бунины... За мостом, перекинутым через реку, железнодорожный вокзал. Через полчаса своим ходом добрался в центр, на Тургеневскую. В солидный особняк под номером 47 по Тургеневской, раньше принадлежавшем Евгению Алексеевичу Бунину, я зашел со двора. В прошлом учительницы, добрые приветливые пожилые женщины — смотритель Мария Григорьевна Захарова, Наталья Семеновна Новикова и Анна Егоровна Семушкина, соскучившись по посетителям, охото стали мне показывать бунинский музей. Милые ефремовские старушки! — Они знают о Бунинах больше экскурсоводов. Знали и помнят самого Евгения Алексеевича, хозяина этого дома. Рассказали мне о том, как бедствовал он, как хоронили его на кладбище, у Рощи. Особенно запомнилась мне в Ефремовском музее Бунина просторная гостиная, с двумя большими окнами и пальмами по углам... Чудом сохранившийся рояль, принадлежавший Евгению Алексеевичу, красивый диван с веерообразной спинкой, из васьиьевского дома Пушешниковых, на который после — дний раз 23 октября 1917 года перед дорогой присел Бунин, навсегда расставаясь с родным краем.

Выйдя из музея Бунина, я отправился на окраину города, на кладбище. Вблизи дубовой рощи,

примыкающей к кладбищу, — сваленные с постаментов надгробные памятники ефремовских купцов, а за ними, в стороне новостроящегося храма Взыскание погибших — могилы Буниных в общей металлической ограде. На исчезающем кладбище во всю ширь развернулась стройка. Могила Евгения Алексеевича Бунина висит над незарытой траншеей теплоколлектора. Возле — могила его жены, за ней — могила матери Бунина.

Побывав на ефремовском кладбище, я направился на улицу Словацкого восстания к Буниным. Арсения Евгеньевна Бунина / сына Евгения Алексеевича / я не

застал в живых. Дверь мне открыла его вдова Анна Яковлевна Бунина. Представился. Встретила настроенно. Да ее можно и понять, если брать во внимание все то, что пришлось пережить ее свекру и мужу. Не каждому малознакомому человеку будешь обо всем этом рассказывать. В Ефремове живут два сына Анны Яковлевны, Михаил и Владимир — внуки Евгения Алексеевича, а внучку Татьяну — молодую милостивую приятную женщину я видел у Анны Яковлевны, очень уж похожа на свою прабабушку, мать Бунина, Людмилу Александровну.

БУНИН НА СЕВЕРЕ

Пребывание И. А. Бунина на Севере России — малоизученная страница буниноведения. В газете «Вологодский комсомолец» за 20 мая 1977 г. в небольшой статье ныне покойного писателя Вл. Железняк «Иван Бунин и наши современники» со ссылкой на бунинское «Литературное наследство» упоминается об этом событии в жизни автора «Деревни» и «Суходола». Приезд Бунина в северный город был неофициальный, поэтому сообщений об этом факте в печати того времени не имелось. О своей поездке в Вологду сообщил сам Бунин 14 сентября 1930 года писателю Л. Ф. Зурову, жившему в его парижской квартире. В разговоре за обеденным столом Зуров спросил у Ивана Алексеевича, бывал ли он на Севере. Бунин сказал, что был в Вологде «году в шестнадцатом», у «Сашеньки». С Сашенькой Померанцевой, дочерью орловского профессора, Бунин встретился в самом начале 90-х годов прошлого века в редакции газеты «Орловский вестник», в которой он тогда работал. Девушка принесла в редакцию рукопись своего рассказа «История кусочка хлеба». «Редактор дал мне прочесть, — рассказывал Бунин. — Оказалось так талантливо, что мы ухватились за нее двумя руками». Через четверть века Бунин навестил Сашеньку в Вологде. Из рассказа Бунина о Сашеньке известно, что «она была идейная революционерка» и, вероятно, за свою революционную деятельность была выселена в Вологду, где «жила с каким-то рабочим-большевиком». «Я пришел к ней в дом, — продолжал рассказывать Бунин, — поднялся по какой-то грязной лестнице, где пахло нечистотами. Постучал, она вышла все в такой же длинной черной юбке, с седыми обрубленными волосами, выкатила на меня глаза, как два облупленных яйца». Сашенька сразу узнала Бунина, сказала ему о том, что она в Вологде живет «на положении не вполне легальном» и предложила «куда-нибудь уйти», так как в квартире хозяйка может подслушать их разговор. Они вышли из дома. На улице «была весна, ярка и густа зелень». Бунин нанял извозчика и «сказал ему везти за город». Они «поехали к монастырю»,

который «вырос прямо из черной равнины, и была такая прелесть в его стенах, эта белизна, толщина, грубость...» (По-видимому, это был Спасо-Прилуцкий монастырь. — В. К.). «Потом, — рассказывал Бунин, — этот голый деревенский погост... Словом, у меня осталось от этого такое прелестное впечатление, что вечером я сказал себе: «Нет, шабаш, надо уезжать! — и уехал, хотя она и просила остаться». С чем был связан столь поспешный отъезд писателя из Вологды?.. Куда так торопился Бунин?.. Я полагаю, что Иван Алексеевич приезжал в наш северный край не только для свидания с Сашей. Север привлекал Бунина как писателя. Жажда новых впечатлений, осуществления творческого замысла, желание душевно развеяться и выйти из создавшегося в связи с империалистической войной творческого кризиса — все это располагало Бунина к поездке. 7 марта 1916 года Бунин в письме к другу Черемному писал из села Глотова Орловской губернии: «Поистине проклятое время наступило, даже и убежать некуда, а уж обо всем прочем и говорить нечего. Мрачен я стал адски, пишу мало, а что и пишу, то не с прежними чувствами». Незадолго до поездки в Вологду, «в середине июня 1914 года», Бунин собирался ехать на Белое море и Ледовитый океан, однако, чувствуя себя недостаточно здоровым для суровых условий севера, отложил эту поездку и отправился на пароходе «по городам Волги от Саратова до Ярославля». 3 июня 1914 года Бунин писал Черемному из Большого Фонтана под Одессой: «Полярные страны я, подумав, решил оставить в покое, не бог весть как хорошо себя чувствую, а вот на Волге, в прибрежных ее городах и в Ростове Великом мы таки побывали и остались весьма довольны: опять всем нутром своим ощутил я эту самую Русь»...

В самый разгар империалистической бойни Бунин работает над темой схимничества, смирения, чтобы забыться, уйти от страшного мира насилия и кровопролития. Его устойчивый интерес к этой теме был обусловлен событиями затяжной братоубийственной войны, давившими на его ранимую писательскую душу. Бунин несколько раз переделывает свой житийный рассказ «Аглая», повествующий о трагической судьбе крестьянской девушки, которая под воздействием бывшего ей знаменья уходит в монастырь, где постригается в монахини. Вскоре после принятия Аглаей схимы старец Родион предлагает ей «кончину принять», и она умирает... Рассказ «Аглая» был впервые опубликован на Севере в двух номерах архангельской газеты «Северное утро» за 7 и 8

марта 1915 года. Вызовет особый интерес северян то, что окончательный вариант рассказа «Аглая» написан Буниным, по моим предположениям, на материале монастырской Вологодчины. Имеется высказывание Бунина об этом рассказе, записанное писательницей Г. Н. Кузнецовой 21 февраля 1931 года. Бунин с восторгом отзывался о рассказе: «Вот, видят во мне только того, кто написал «Деревню»!.. А ведь и это я! И это во мне есть! Ведь я сам русский, и во мне есть и то и это! А как это написано! Сколько тут разнообразных, редко употребляемых слов, и как соблюден пейзаж хотя бы северной (и иконописной) Руси: эти сосны, песок, ее желтый платок...» (Аглая.— В. К.).

Высокую оценку этому рассказу, хотя и не принимая тему религиозной жертвенности, дал А. М. Горький. 29 августа, накануне публикации рассказа в журнале «Летопись» за 1916 год, А. М. Горький писал Бунину: «Вы написали эту вещь, точно старый мастер икону — удивительно четко!» Закончил же письмо так: «А вообще — что же говорить? Вы для меня — первейший мастер в современной литературе русской, — это не пустое слово, не лесть, — Вы знаете».

Работая над рассказом «Аглая», Бунин посещает монастыри, скиты, монастырские библиотеки, в которых читает житийную литературу, книги по истории монастырей, о чем нам известно из дневниковых записей писателя, из его маленьких автобиографических новелл «Странствия». В дневнике за 1915 год он писал: «Позавчера были с Колей (с двоюродным племянником Бунина Н. А. Пушешниковым. — В. К.) в Марфо-Мариинской обители на Ордынке... Заехали в Зачатьевский монастырь». 3 января.

«В два часа поехали с Колей в Троицко-Сергиевскую лавру. Были в Троицком соборе у Всенощной...» 4 января.

«Были в скиту, у Чернитовской Божьей матери. Акафисты в подземельной церковке». 7 января.

«Все вспоминаются монастыри — сложное и неприятное, болезненное впечатление...»

В одной из главок «Странствий» Бунин вспоминает о том, как он однажды посетил монастырскую библиотеку: «Монахиня дала мне каталог... я выбрал историю монастыря. Монахиня, найдя ее, подала мне и вышла. Я, невольно стараясь быть как можно скромней и тише, сел читать и делать выписки...»

Русский Север с его многочисленными монастырями, скитами, богатейшими монастырскими библиотеками мог быть хорошим

источником для творческого завершения рассказа «Аглая», для чего Бунин совершил поездку в конце весны 1915 года в северный монастырский край, заехав сначала в Вологду. В подтверждение всего сказанного и для уточнения места пребывания Бунина в Северном крае я приведу еще один текст из «Странствий». Бунин писал: «Опять весна, и я опять живу в большой глуши — в тех самых краях, где несколько веков тому назад жил подвижник, про которого сказано:

Ты в пустыню суровую,
В места бластные, непроходимые
Поселился еси...

«Что это за «глушь», в которой в давние времена «поселился» какой-то «подвижник», а в первой трети 20 века жил Бунин?.. О каком «подвижнике» сказано?» — думал я... Читаем текст дальше:

«Городок маленький, деревянный. Основан чуть не в самом начале Руси... Середина города окружена высоким земляным валом с тремя проходами. На валу еще заметно место, где была когда-то сторожевая башня. Вал зарос густой травой, а в траве высыпали по весне желтые лилии. За валом собор, несколько деревянных домишек, два государственных здания и три березовых аллеи, в которых поют птицы. ...Тут же пруд, отражающий берега и весну».

Читая дальше, мы узнаем, что «край этот церковный, монастырский, куда ни глянь, всюду монастырь», северный — «были уже сумерки — полусвет северной ночи». Не Белозерск ли это, основанный в 862 году?.. Судя по описанной местности — Белозерск. И поныне в нем сохранился древний высокий земляной вал с тремя проходами, бывший городским оборонительным укреплением. Деревянные стены и башни крепости, сооруженные поверх земляной насыпи, из-за ветхости были разобраны в 1758 году. За валом, как и в былые времена, возвышается Преображенский собор. Там же сохранились два старых кирпичных здания: в одном из них было духовное училище, а в другом присутственные места. Сохранились и три деревянные дома старой постройки. Есть и водоем, похожий на пруд, кое-где березы — остатки бывших аллей... В «Странствиях» указано место жительства Бунина: «Я живу не в городе, а за городом, на горе. Город с церквями и собором внизу, на широком разлужье,

полускрыт тополями и липой. С горы открывается даль: перевалы, холмы, кое-где покрытые лесом... Дальше за холмами леса все гуще и темнее...» Что за гора? Где жил Бунин? Можно предположить, что жил писатель на Спасской горе, откуда хорошо был виден город.

Живя в этом довольно-таки бойком, ярком красками жизни месте, Бунин, вероятно, наблюдал за подгулявшими в местном кабаке людьми, здесь он мог слышать самые невероятные истории о дорожных приключениях, что обогащало его как писателя. И, что тоже важно, его это место устраивало близостью монастырей, которые он посещал для изучения монашеской жизни, здесь он также имел возможность пользоваться богатыми монастырскими библиотеками.

С пребыванием Бунина на Севере, я полагаю, связано изменение названия села в окончательной редакции рассказа «Аглая». Село, за которым лежала деревня Аглаи, в ранней редакции рассказа называется Свято-Озеро, а в окончательном варианте оно называется «село на Свят-Озере». Это изменение в названии села могло произойти от Святого озера, расположенного недалеко от Кириллова. Время приезда Бунина в Вологду и предполагаемого мною проживания в Белозерске совпадает. В обоих городах, на улице была весна, яркая и густая зелень, о чем свидетельствует текст. Это, вероятно, был май 1915 года. Следует заметить, что время своего визита в Вологду Бунин назвал приблизительно: «году в шестнадцатом». К сожалению, буниноведение не располагает книгой о жизни и творчестве И. А. Бунина, которая отражала бы обширный итinerary (места пребывания) и весь творческий процесс талантливого писателя.

Вологодчину, ее окрестности Бунин вспоминал и за границей. Эта часть северной России для писателя-изгнанника была священным местом. 23 января 1922 года он в дневнике сделал такую запись:

«Ночью вдруг думаю: исповедоваться бы у какого-нибудь простого, жалкого монаха где-нибудь в глухом монастыре, под Вологодой! Затрепетать от власти его, унизиться перед ним, как перед Богом... почувствовать его как отца...»

Хотя вопрос об адресе и точной дате визита Бунина в Вологду остается открытым, сам факт приезда известного писателя на Север — еще один штрих прошлого на литературной карте нашего края.

«ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НРАВИЛСЯ ЕЙ...»

Вологжанка в судьбе Ивана Бунина

Надежда Алексеевна Семенова... О ней, коренной вологжанке, дочери вологодских дворян Семеновых, мало кому из ее земляков известно. Однако эта замечательная женщина заслуживает внимания.

Издательница «Орловского вестника» Н. А. Семенова в 1889 году пригласила работать в редакцию своей газеты молодого, только что дебютировавшего стихами и рассказами Ивана Бунина. Не окажись в начале его жизненного пути Семеновой, не протяни она ему руку помощи, неизвестно, как бы сложилась судьба начинающего литератора.

В «Орловском вестнике» у Семеновой Бунин проработал с перерывами около трех лет. Здесь были опубликованы его ранние стихи, рассказы, очерки из жизни елецких помещиков, критические статьи. С помощью Семеновой вышла в свет в 1891 году первая книга стихов Бунина. И писатель всегда с теплотой вспоминал об этом. Несмотря на разницу в возрасте (Семенова была старше Бунина на девять лет, замужняя женщина, мать) они очень подходили друг другу. Несомненно, у них была взаимная симпатия. В. Н. Муромцева-Бунина в книге «Жизнь Бунина...» (дальнейшие ссылки на эту книгу — В. К.) писала: «Иван Алексеевич иногда с грустной улыбкой, много лет спустя, говорил мне, что Надежда Алексеевна была его «непростительно пропущенной возможностью». Он понял только позднее, что он «действительно нравился ей, и что было бы лучше, если бы он увлекся ею, а не Пашенко» (племянницей Семеновой по мужу). Повторял это он и незадолго до смерти, всегда восхищаясь этой умной, изящной, обаятельной женщиной. Но он был юн, когда в первый раз увидел ее, и она ему показалась недоступной».

Спустя многие годы прекрасную женщину Бунин запечатлел в ярком, наполненном поэзией автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» в образе редактора орловской газеты «Голос» Надежды Авиловой.

Остановлюсь на некоторых сведениях и о ее предках, и о ней, полученных мной из госархива Вологодской области, из фонда Орловского музея И. А. Бунина и от внучатой племянницы Н. А. Семеновой, вологжанки Ирины Дмитриевны Дмитриевой,

которой от всей души выражаю благодарность за оказанную помощь. В бесценном фотоархиве Семеновых, бережно хранящемся у И. Д. Дмитриевой, много хорошо сохранившихся семейных фотографий прошлого века.

Но скажу прежде всего о ее родителях. С фотографии 50-х годов прошлого века смотрит статный, высокий, симпатичный офицер, отец Н. А. Семеновой Алексей Андреевич. Сын вологодского отставного штабс-капитана, в молодости он служил в Петербурге. В 1860 году, женившись на дочери царского конюшего, столичной красавице Калерии Сомовой, он, как и его отец, в чине штабс-капитана ушел в отставку и переехал с семьей в Вологду к своим родителям. После переезда в начале 60-х годов купил каменный двухэтажный особняк на Златоустинской Набережной (Набережной 6-й Армии, 111). Дом Семеновых, памятник гражданской жилой архитектуры последней четверти 18 века, до революции занимала епархиальная свечная лавка (ныне здесь военные трибунал и прокуратура).

Во владение хозяйки особняка на Златоустинской набережной Елизаветы Алексеевны Семеновы после смерти ее мужа, в середине 60-х годов, перешли вместе с домом земельные угодья в двух уездах Вологодской губернии. Главное имение Семеновых с усадебным деревянным домом с мезонином и двумя флигелями находилось в селе Большом Вологодского уезда, вблизи станции Лумба. Живописная усадьба со спускавшейся к реке Масляне липовой аллеей была местом их летнего отдыха.

Красавица Калерия Александровна Семенова украшала общество на великосветских балах в здании вологодского Дворянского собрания. Но, увы, прожила недолго. Вскоре после рождения второй дочери, Елизаветы, Алексей Андреевич овдовел. Титулярный советник, губернский гласный, с 1870 года он работал казначеем земской управы. Воспитывать двух осиротевших дочерей ему помогала его мать. В 1-м Успенском женском училище для благородных девиц, в котором учились сестры Семеновы, хорошо преподавали иностранные языки, музыку, обучали рукоделию, ведению домашнего хозяйства.

Вскоре на хрупкие души девочек опять обрушилось несчастье. Едва Наде исполнилось двенадцать лет, они потеряли отца: зимой 1872 года, переезжая на лошади реку Вологду, он провалился напротив своего дома под лед. Спасая лошадь, сани и земское

имуущество, простудился в холодной воде, тяжело заболел и вскоре умер.

После смерти отца забота о Наде и Лизе полностью легла на бабушку. Это была добрая, самоотверженная, отзывчивая женщина. Она делала пожертвования в пользу сиротских приютов. Об этом свидетельствуют отчеты о пожертвованиях в «Вологодских губернских ведомостях» того времени, в которых часто встречается ее имя.

Надя вскоре после окончания училища гражданским браком связала себя в 1880 году со ссыльнопоселенцем Борисом Петровичем Шелиховым, «маленьким, взбалмошным сангвиником, с торчащими жесткими волосами, с горящими глазками». Елизавета Алексеевна едва приняла такого зятя. Продав свой дом и добавив к вырученным деньгам, дала хорошее приданое внучке. Уехав с Шелиховым в Орел, Надежда Алексеевна Семенова в 1881 году купила там собственный дом и располагавшуюся в нем газету «Орловский вестник» с типографией.

* * *

Осенью 1889 года, когда тенистые сады сбрасывали свое пышное золотистое убранство, Бунин поселился в Орле в двухэтажном «сером» доме Семеновой. Приступив к своим журналистским обязанностям, он подолгу не отрывался от стола, изредка делал перекуры, заходил к Семеновой — интересной собеседнице, шутил с ней, обсуждал газетные новости, вести губернской жизни, делился своими творческими и жизненными планами. Он серьезно увлекся племянницей Семеновой Варей Пащенко, высокой барышней в пенсне и в «цветисто расшитом русском костюме». В таком же нарядном костюме была рядом с Пащенко ее подруга, Елена Николаевна Токарева. «Почему мой выбор пал на Лику? — писал в «Жизни Арсеньева» Бунин. — Оболенская была не хуже ее. Но Лика, зайдя, взглянула на меня дружелюбней, заговорила проще и живей, чем Оболенская... И в кого вообще так быстро влюбился я? Конечно, во все: в то молодое, женское, в чем я вдруг очутился; в тужельку хозяйки и в расшитые наряды этих девушек со всеми их лентами, бусами, круглыми руками и удлиненно-округлыми коленями; во все эти просторные провинциальные комнаты с окнами в солнечный сад...»

Не имея счастья в замужестве, Семенова завидовала своей племяннице. Зная, что доктор Пашенко ни за что не согласится с тем, чтобы его дочь вышла замуж за нищего журналиста, она уговаривала Бунина взять себя в руки и победить «любовную болезнь». Пыталась Надежда Алексеевна образумить и Варвару Пашенко.

Семенова понимала, что воспитанная в достатке, расчетливая Пашенко не способна на самопожертвование, не может Бунину быть преданной душой, не принесет ему личного счастья. Они были очень разные по характеру. Их взаимное непонимание, нежелание подчинить себя друг другу превращали любовь в поединок. Частые ссоры Бунина с Пашенко доводили его до истерики и вели к окончательному разрыву отношений. Это видно из письма Варвары Пашенко к старшему брату Ивана Ю. А. Бунину от 8 июля 1892 года:

«За последнее время особенно часты и резки стали наши ссоры с Ваней... Поверьте мне, что я его очень люблю и ценю, как умного и хорошего человека, но жизни семейной, мирной у нас не будет никогда».

Как бы ни тяжела была личная жизнь молодого Бунина, он находил в себе силы для плодотворной творческой работы. Работа, работа, работа... Она лишь залечивала его душевные раны.

Журналистская работа расширяла познания Бунина о жизни. Добывая материалы для газеты, он бывал во многих уголках Орловской губернии, общался с людьми разных сословий: с дворянами, чиновниками, мещанами. Но больше всего он тянулся душой к крестьянам. Воспитанный в полукрестьянской полуголодной жизни в ветхом дырявом доме орловского разорившегося дворянина, он и в Орле жил в постоянной нужде. Скромная зарплата журналиста и мизерные гонорары не давали Бунину материальной обеспеченности.

Трудные условия жизни молодого Бунина, общение с простыми людьми определяли его демократическую позицию, творческие интересы. Из книги В. Н. Муромцевой-Буниной о Бунине нам известно, что он «за сезон 1889-1890 года напечатал несколько рассказов и 14 стихотворений». В «Орловском вестнике» были опубликованы рассказы «Первая любовь», «Дементьевна», очерки «Мелкопоместные», «Помещик Воргольский», «Шаман и Мотька».

В статье «Новые течения», опубликованной в 1891 году в «Орловском вестнике», Бунин, отражая нападки реакционной

газеты «Московские ведомости», выступил в защиту доброй памяти умершего писателя-демократа Салтыкова-Щедрина. Эта статья вызвала гнев мужа Семеновы Б. П. Шелихова и послужила внешней причиной ухода Бунина из газеты. Бунин писал тогда об этом брату: «С редакцией разошелся...».

За время своей почти трехлетней работы в «Орловском вестнике» Бунин из-за частых ссор с редактором газеты Шелиховым несколько раз покидал редакцию и вновь по нужде возвращался туда, хотя работать ему там было сложно. Шелихов был неуравновешенным человеком, постоянно со всеми бранился. Изменял жене и ревновал ее к Бунину. После развода с Шелиховым Надежда Алексеевна в 1893 году вышла замуж за Василия Евграфовича Сентятина.

Вторая половина жизни Н. А. Сентяниной (Семеновы) пришлась на начало нынешнего века. Надвигающиеся революционные события и сопутствующий им гнет цензуры побудили ее оставить издательскую деятельность. Директор Орловского музея И. А. Бунина Костомарова Инна Анатольевна, цитируя письмо внука Надежды Алексеевны, писала мне о том, как бросала судьба Сентянину (Семенову) в эти годы: «Около 1903 года, — сообщал Е. Ю. Сентянин, — бабушка прекратила свою издательскую деятельность и увлеклась медициной — поступила на фельдшерские курсы. Окончив курсы, Надежда Алексеевна открыла родильный дом. Для этого к старому дому, где помещалась редакция и типография, было пристроено новое крыло. В 1914 году после начала мировой войны бабушка добровольно пошла в армию в качестве сестры милосердия, принимала участие в боях в Галиции, за боевые заслуги была награждена золотой медалью».

Состарилась она в одиночестве. Муж, Василий Евграфович Сентянин, с приемным сыном Вадимом, уехав строить КВЖД, так и не вернулся из Китая.

На закате своих дней семидесятилетняя Надежда Алексеевна переехала в родную Вологду к сестре Е. А. Величковой. «Бабушка Надя, — рассказывала мне И. Д. Дмитриева, — приехала к нам жить в 1931 году, последние шесть лет своей жизни прожила с моей бабушкой Лизой в 14-метровой комнатке нашей коммунальной квартиры на 2-м этаже двухэтажного деревянного дома на Большой Козленской».

23 марта 1937 года в возрасте 76 лет, Надежда Алексеевна Сентянина (Семенова) скончалась и была похоронена на Богоро-

дицком кладбище за железнодорожным вокзалом. На ее могиле вблизи кафедрального собора Рождества Богородицы стоял простой деревянный крест. В связи со сносом кладбища могила была утрачена. Недавно спилили и березы, росшие возле нее.

В начале июня 1992 года с приехавшим на несколько дней из Петербурга правнуком Н. А. Сентягиной (Семеновой) Ю. Е. Сентягиным я побывал в бывшем доме Семеновых. Ходил я на Богородицкое кладбище. Говорили с Сентягиным о постановке условного мемориального памятника на месте захоронения его прабабушки.

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

В начале семидесятых годов мне довелось слышать об Анненском из уст ныне покойного маститого ленинградского поэта Всеволода Александровича Рождественского, высокого, седоватого почтенного старика, часто приезжавшего в Ленинград из Пушкина, где он постоянно жил. Человек старой петербургской культуры, друг Сергея Есенина, о котором он иногда увлеченно рассказывал, Рождественский личным обаянием, своей духовностью, как магнит, притягивал к себе ленинградскую поэтическую молодежь. В звуковых оттенках плавной его речи, величавой светской манере держать себя было что-то «ахматовское», петербургское. Поэт появлялся то в университете, где он в давние годы учился, то в Доме Книги на Невском. Рождественский своей личностью как бы связывал век минувший с веком нынешним.

В детстве Рождественский жил и учился в здании Николаевской царскосельской гимназии, директором которой был Иннокентий Федорович Анненский, преподаватель латыни и древнегреческого языка. Помню, как слегка приглушенным старческим голосом Рождественский с теплотой отзывался о своем бывшем учителе, открывавшем гимназистам таинственный мир Элады и Древнего Рима. «Его лекции, — рассказывал Рождественский, — были освещены лучами Парнаса и представляли своеобразное поэтическое священнодействие». Аккуратность, вкус и изящество в одежде, «торжественность, светскость, корректность, прямызна стана и продуманность манер» — все это вкуче с энциклопедической эрудицией и блестящим красноречием подчеркивало в Анненском сановитого человека и ученого мужа.

Жизнь и поэтическая судьба Анненского складывались нелегко. После окончания в 1879 году историко-филологического факультета он женился на Н. В. Хмара-Борщевской — вдове с двумя малолетними детьми. Вскоре у Анненских родился сын Валентин, будущий поэт и первый биограф отца, писавший под псевдонимом В. Кривич. Чтобы содержать огромную семью, Анненский, имевший слабое здоровье, вынужден был давать в гимназии до пятидесяти шести уроков в неделю. Несмотря на педагогическую загруженность, директорство Анненский пишет стихи, переводит и готовит к публикации трагедии Еврипида, сам

пишет трагедии на еврипидовские сюжеты. И откуда только брались силы в этом интеллигентном болезненном человеке?

На поэтическом поприще Анненский дебютировал, когда ему было около пятидесяти лет, единственным прижизненным сборником «Тихие песни», который не принес ему славы. Скрывшийся под псевдонимом «Ник. Т - о» автор «Тихих песен» казалось бы самим псевдонимом и названием сборника предрекал свою поэтическую судьбу. Помимо истинной глубокой скорби о всем земном, преходящем в стихах угадывалась изысканность декадентских переживаний, характерных для представителей раннего символизма. Однако за декадентской маской поэта А. Блок заметил «болезненный надрыв» души автора: «душа как бы прячет себя от себя самой, переживает свои ощущения в угаре декадентских форм». И, действительно, некоторые стихи Анненского, облеченные в «декадентские формы», малопонятны для современного читателя, и я их цитировать не буду.

Тема жизни и смерти, жажды бытия раскрыта Анненским в стихотворении «На пороге». О смерти поэт пишет:

С тех пор Незримая, года
Мои сжигая без следа,
Желанье жить все ярче будит,
Но нас никто и никогда
Не примирит и не рассудит,
И верю: вновь за мной когда
Она придет — меня не будет.

Не снискавший первым сборником поэтической славы, Анненский продолжал писать стихи, рукописи которых складывал в кипарисовую шкатулку, послужившую названием посмертного сборника стихов «Кипарисовый ларец», который принесет автору поэтическое признание и известность среди широкого круга читателей.

В связи с революционными событиями 1905 года свободолюбивый и гуманный директор гимназии Анненский был отстранен от работы и переведен на должность инспектора Петербургского Ученого округа. Его новая работа была связана с частыми выездами в северо-западные губернии, в которых он ревизовал гимназии и другие учебные заведения. Весной 1906 года Анненский инспектировал учебные заведения в Вологде и уездных городах Вологодской губернии. Многие стихи этого вре-

мени написаны им в вологодском поезде, в Вологде, на почтовом тракте Вологда - Тотьма, в Тотье и Грязовце, о чем свидетельствуют пометы над ними. В Вологде Анненский останавливался в гостинице «Золотой Якорь». В письме от 19 мая 1906 года к жене сослуживца по гимназии Е. М. Мухиной он пишет о Вологде: «Из моего окна видна ограда церкви, заросшая густой, сочной травой, там уже облетают белые одуванчики, много белых одуванчиков (ц. Спаса Обыденного — В. К.). Ограда заняла площадь — и как хорошо, что там не торгуют. Зато, вероятно, там когда-нибудь хоронили... Фосфор, бедный фосфор, ты был мыслью, а теперь тебя едят коровы... Вологда — поэтический город, но, знаете, когда только поэтический? Когда идет дождь, летний, теплый, парно-туманый, от которого становится так сочна, так нависло-темна зелень берез, глядящих из-за старого забора... В Вологде очень много духовных лиц, и колокола звонят целый день... Колокола меня будят, они тревожат меня... Моя черепная коробка не может вместить их медных отражений — но она не мирится, особенно с их разбитным, дробным звоном. Я чувствую, что этот звон хочет подладиться ко мне, что он заигрывает со мной...

Боже, боже, сочинил ли кто-нибудь в Вологде хоть один гекзаметр под эту назойливую медь?..»

Искренним отчаянием, безверием, отторженностью от мира, скорбью о невозможности наладить его гармонию, воспоминанием о привычной царскосельской обстановке наполнено стихотворение Анненского «Я на дне», написанное им в «Золотом Якорь» 20 мая 1906 года:

Я на дне, я печальный обломок,
Надо мной зеленеет вода,
Из тяжелых стеклянных потемок
Нет путей никому, никуда...
Помню небо, зигзаги полета,
Белый мрамор, под ним водоем,
Помню дым от струи водомета,
Весь изнизанный синим огнем...
Если ж верить тем шепотам бреда,
Что шумит мой постылый покой,
Там тоскует по мне Андромеда
С искалеченной белой рукой.

Поэт в воображении представляет себя обломком скульптуры, лежащим на дне водоема царскосельского фонтана для того, чтобы выразить в стихотворении безвыходность своего положения.

В Вологде инспектор Анненский заступился за одного гимназического священника, отслужившего панихиду по убиенному лейтенанту Шмидту.

Последний раз на Вологодчину по делам Петербургского Учебного округа Анненский приезжал в феврале 1907 года в Великий Устюг.

Измученный поездками по северным губерниям, больной поэт оставляет инспекторскую работу и читает лекции по истории древнегреческой литературы на Высших женских историко-литературных курсах Н. П. Раева в Петербурге.

30 ноября 1909 года, после напряженного дня в городе, Анненский скоропостижно скончался на ступенях Царско-сельского вокзала, не доехав до дома. По свидетельству его сына В. Кривича, незадолго до своей кончины поэт говорил будто бы шутя: «Нет, это что же за смерть, умирать надо в своей постели, как следует отболев, все передумав. А то — словно бы человек из трактира ушел, не расплатившись».

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ В ВОЛОГДЕ

Каждый раз, направляясь в Вологодскую областную библиотеку по улице Марии Ульяновой, мы проходим мимо массивного здания в стиле «модерн» (3 корпуса Вологодского политехнического института), построенного в 1907 году для Вологодского страхового общества.

Конечно, это не петербургский «модерн». Здание гораздо уступает по помпезности и великолепию шикарным отделанным столичным банкам и страховым компаниям. Однако строгий фасад здания, высокие арочные проемы окон бывшего Зала Страхового общества на 2-м этаже, в котором ныне разместились секция рисунка и архитектуры ВПИ, свидетельствуют о вышеупомянутом архитектурном стиле периода расцвета капитализма в России.

Со стороны улицы Урицкого на эркере здания в 1987 году была прикреплена мемориальная доска, на ней указано, что в июле 1918 года здесь располагалась губернская ВЧК. Однако не только присутствием таких строгих, официальных хозяев было известно это здание. В дореволюционное время в Зале Страхового общества проходили литературно-музыкальные благотворительные вечера, концерты, цирковые представления с участием столичных знаменитостей, представителей ярких талантов и лучших умов России. Из рекламных сообщений газеты «Вологодский листок» известно, что в Зале Страхового общества выступал знаменитый, всемирно известный солист Б. С. Троянский, известная художественная хоровая капелла под руководством композитора В. Г. Завадского 16 января 1912 года исполняла хоровые произведения Чайковского, Римского-Корсакова, Рубинштейна, Гречанинова и др., 28 января 1912 года состоялся концерт известной оперной артистки московских театров В. И. Петровой-Званцевой, в апреле — гастроль цирка зверей и животных Д. С. Дурова. Кто только не побывал в этом зале!... В октябре 1915 года в огромном Зале Страхового общества читали лекции прославленные литераторы Константин Бальмонт и Федор Сологуб.

О лекции К. Д. Бальмонта в Зале Страхового общества заранее сообщалось в нескольких номерах «Вологодского листка». В № 922 от 18 октября в разделе «Развлечения» было такое сообщение: «В среду, 21 октября, в Зале Страхового общества поэт К. Д. Бальмонт прочтет лекцию на тему «Поэзия

как волшебство». Имя поэта Бальмонта настолько известно, что лекция его несомненно привлечет публику». А в день приезда поэта в Вологду, 20 октября 1915 года, к газетному сообщению о предстоящей лекции большими буквами было добавлено: «СЕГОДНЯ СБОР В ПОЛЬЗУ БЕЖЕНЦЕВ».

Шла империалистическая война, выступление поэта в пользу беженцев из мест, оккупированных кайзеровскими войсками, свидетельствовало о его тесной связи с судьбой многострадальной России. Вынужденный по политическим соображениям долгое время жить за рубежом, он ни на минуту не забывал Родину, гордился ею. Во многих экзотических странах побывал этот замечательный русский поэт-странник. Ему мог бы позавидовать любой капитан дальнего плавания. Вот что писал Бальмонт в письме Ф. Д. Батюшкову, вернувшись накануне 1913 года из своей очередной кругосветки: «Я видел моря и океаны... и снова, сидя у окна в моем парижском домике, среди своих книг и цветов, я говорю: я рад, что родился русским, и никем иным быть я не хотел. Люблю Россию. Ничего для меня нет прекраснее и священнее ее». Свой автопортрет Бальмонт изобразил в стихотворении «Я русский». Оно перекликается с выше приведенным письмом:

Я русский, я русый,
я рыжий,
Под солнцем рожден
и возрос.
Не ночью. Не веришь!
Гляди же
В волну золотистых волос.
Я русский, я рыжий,
я русый,
От моря до моря ходил.
Низал я янтарные бусы,
Я звенья ковал из кадил.
Я рыжий, я русый,
я русский.
Я знаю и мудрость и бред.
Иду я — тропинкою узкой,
Приду — как широкий
рассвет.

рукоплескала восторженная студенческая молодежь, юноши и девушки дарили цветы. Из Актового зала ЛГУ я уходил замороженным. Музыка бальмонтовских стихов навсегда покорила мою душу.

За несколько месяцев до своего приезда в Вологду Бальмонт из Атлантики через Англию, Норвегию и Швецию в июне 1915 года возвратился в окровавленную, задымленную войной Россию. Знавший около шестнадцати иностранных языков, поэт привез с собой огромный багаж собственных переводов произведений зарубежных поэтов, которые заняли достойное место в золотом фонде мировой литературы. Поражаешься необычайной способности, исключительной энциклопедической эрудиции, неутомимой поэтической работоспособности этого невысокого, хрупкого на вид человека. Книги его стихов, прозы, поэтических переводов заполнили бы огромный книжный шкаф.

Трактат о сущности и назначении лирической поэзии «Поэзия как волшебство», который Бальмонт прочитал в Вологде, в конце 1915 года вышел отдельной книгой. Неизвестно, как встретила поэта вологодская публика. К сожалению, в местной периодике того времени никаких отзывов об этом нет. В вологодских газетах освещались в основном военные события. Однако о восприятии Бальмонта общественностью можно судить по отзывам газет других городов, в которых поэт выступил с такой же, как и в Вологде, лекцией. Бальмонт в этот период побывал во многих городах страны. Он купался в лучах былой поэтической славы. По-прежнему нравился женщинам. Особенно радушно весной 1914 года встречали поэта киевляне. О лекции Бальмонта «Поэзия как волшебство» в мартовском номере газеты «Киевская мысль» репортер сообщал: «...Бальмонт был действительно похож на волшебника, а его причудливая лекция превращалась в поэму». В одном из престижных ресторанов Киева в честь Бальмонта был устроен шикарный ужин, на котором счастливый, захмелевший поэт сидел за столом в окружении молодых, красивых воспитанниц местного театрального училища, почитательниц его таланта. В мерцающем свете горевших в канделябрах стеариновых свечей поэт, читавший свои стихи, казался еще более загадочным, обворожительным:

Я — изысканность русской медлительной речи,
Преодо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

В другой вечер в Киеве, после блестяще прочитанной лекции «Океания», Бальмонт на прощанье на своих книгах оставлял читателям автографы. На подсунутом ему молодым литератором А. Дейчем сборнике «Морское свечение» он сделал такую надпись:

Я блуждал по разным странам,
Разных я видал людей,
Но навек в душе моей
Будет нежность к киевлянам.

На память о себе такой же автограф поэт мог оставить и вологжанам. Очевидцев того давнего вологодского выступления Бальмонта, вероятно, уже нет.

В первой половине июня 1992 года, когда по всей стране отмечалось 125-летие со дня рождения Бальмонта, я поднимался по плавной, широкой парадной лестнице здания ВПИ. На лестничной площадке 2-го этажа, перед входом в Зал, у стены стоит без основания высокое старинное зеркало, помнящее знаменитых поэтов. Основание зеркала с двумя изогнутыми, изъеденными червоточиною ножками (две уже утрачены, а ведь можно резчиком-реставраторам восстановить это уникальное зеркало в первоначальном виде) валяется в куче хлама в правом переднем углу Зала. Потолок Зала попорчен грибковыми образованиями от протечек в крыше здания, пробитой ломами при скальваниях наледи. Бесхозяйственное, наплевательское отношение к зданию, представляющему собой архитектурную ценность, имевшему в прошлом Вологды огромное культурное значение, видно во всем: на отсыревшем дубовом паркетном полу, по которому ходили Бальмонт и Сологуб, свалены тяжелые ящики с гипсом, везде, даже на высоких стенах, где располагаться бы барельефам, картинам с

видами редкостных палатко, темнеет раздавленный юными «браманте», «парландами», «сюзорами» пластилин. Да и как расти дарованиям в сером дисгармоничном интерьере здания, где по произволу отгородившихся перегородками собственников-кафедр нарушена анфиладная перспектива помещений, за Залом защита фанерой прекрасная, выполненная настоящими мастерами зодчества арка. Дополняют хаос крашенные аляповатой коричневой краской филенчатые, в прошлом лакированные двери кабинетов геологов и геодезистов, безликие стеклянные ящики в коридоре с грудой камней-минералов. На первом этаже в коридоре и вестибюле, как заплаты на дорогом изящном смокинге — образцы современной кладки... На здании нет даже охранной мемориальной доски!

Хранить бы, хранить это прекрасное, овечье дыхание муз старинное здание, это был бы уникальный музей, который формировал бы художественный вкус будущих архитекторов. В Зале можно бы располагать художественные выставки картин, произведений скульптуры, декоративного прикладного искусства, архитектурные макеты..., устраивать, как и в старые добрые времена, литературные вечера, музконцерты...

«ПОМНИШЬ ТЫ, ИРИНА, ОСЕНЫ!...»

Федор Сологуб в Вытегре

Пожалуй ни один из столичных знаменитых писателей начала 20 века, приезжавших в Вологду, не был так тесно связан с нашим северным краем, как известный поэт-символист и прозаик Федор Сологуб.

Помимо своего официального приезда в Вологду и выступления здесь 31 октября 1915 года в Зале Страхового общества с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях» Федор Кузьмич Тетерников (Сологуб) три года, с 1889 по 1892 год, преподавал математику в Вытегорской учительской семинарии.

По неопубликованным воспоминаниям знавшей Сологуба Веры Павловны Калицкой, хранящимся в фонде ИРЛИ (Ф. 79. Оп. 4. № 89), жил он в Вытегре в небольшом деревянном домике с пятью окнами на площадь и тремя на улицу. «В первом этаже жили мать Федора Кузьмича и сестра его — Ольга Кузьминична... Теперь крыша этого дома, — вспоминала после кончины поэта Калицкая, — обезображена заплатой, ею заделана дыра, образовавшаяся оттого, что недавно снесли мезонин или, по-местному, «чердачок». В этом «чердачке» и жил Федор Кузьмич. Описание вытегорского домика Сологуба можно найти в его автобиографическом романе «Тяжелые сны»: «Логин жил на краю города, в маленьком домике. В мезонине устроил кабинет; там и спал; в подвальном этаже была кухня и помещение для служанки; середину дома занимали комнаты, где Логин обедал и принимал гостей. Наверх к себе приглашал немногих. Здесь он жил: мечтал, читал».

По воспоминаниям современников, в домашнем кабинете учителя Тетерникова бывали ученики, вытегорский священник Павел Иванович Соколов, образованный человек, прекрасный собеседник, с которым он вел разговоры о религии.

Несомненно внешнее и психологическое сходство автора с героем романа «Тяжелые сны», одинакова у них и профессия, а фамилия — Логин — подчеркивает ее.

Роман «Тяжелые сны» родился в поисках истины, на основании личного опыта Сологуба. По содержанию роман глубоко пессимистичен, так как очень беспросветной была тогда жизнь самого автора. Русский серый, захолустный городок с его серыми,

мертвыми лицами, с его застойным, затхлым бытом (сплетнями, блудом, пьянством, картами), с липкой, непролазной осенней грязью и проливными дождями нередко приводил молодого учителя в уныние. В своем стихотворении о Вытегре он тогда писал:

Как много снегу намело!
Домов не видно за буграми,
Зато от снега здесь светло,
А осенью темно, как в яме.
Тоска и слякоть, хоть завывать, —
Недаром Вытегрой зовется, —
Иль в карты дуться, водку пить,
Коль грош в кармане заведется.

Пытался Сологуб выйти из этого заколдованного круга жизни, но безрезультатно. Его попытки устройства в Вытегре ссудо-сберегательной кассы, типографии не нашли поддержки со стороны, что отражено в романе «Тяжелые сны» в таких же стремлениях Логина. Трагичен финал этого романа. Отчаявшийся, разуверившийся в жизни Логин убивает топором «отца города» Мотовилова. Тема уродующей человека мерзкой жизни развита писателем в следующем романе «Мелкий бес», основанном также на вытегорской действительности. Для героев обоих романов окружающий их мир ирреален, иллюзорен, им, согласно учению чтимого Сологубом философа Артура Шопенгауэра, «движет злая слепая саморазвивающаяся воля», обрекающая человека на страдания и лишения.

В письмах к сестре, посланных из Вытегры в Петербург, Сологуб, рисуя окружающую его нищенскую жизнь, делится своими планами на будущее, выражает надежду «выбиться в люди» посредством счастливого случая: выигрышного лотерейного билета, получения премии за хорошо написанный им учебник математики. Однако это было лишь самоутрачение. «Проза безденежья и закладов» постоянно выводят его из душевного равновесия. Вытегру и свое существование в ней Сологуб описал в рассказе «Помнишь, не забудешь», в котором учитель Алексей Николаевич, воскрешая в памяти образ умершей любимой Иринушки, вспоминает унылую, бедную обстановку своей прошлой жизни: «Помнишь, Иринушка. этот маленький, захолаустный городишко, грязный, тусклый, ленивый, сонный, этот злой город, осатанелый от лени, водки и сплетен? Пришлось прожить в нем

несколько лет. И особенно тяжело было в первый год. Помнишь, Иринушка, эту первую осень, беспросветную, холодную, мокрую, злую? Дальше в рассказе отражены конкретные реалии быта самого автора: «Полусгнившее крыльцо гнулось набок. Балясины перил пообломались, упали иные, кто-то сжег их в печке. Старая крыша дала течь. Подстилали на чердак тряпки какие-то, корыто ставили, — а все же иногда и в комнате капало с потолка. Доски пола шатались под ногами и скрипели жалобно и противно. От окон дуло. В одном из окон разбитое пополам стекло было склеено замазкою, чтобы не вставлять нового». С рассказом Сологуба «Помнишь, не забудешь» перекликается его вытегорское стихотворение «Ирина»:

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как-будто
Небо хмурилось в тоске.
Дождик мелкий и утрюмый
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок.
Был наш дом утрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла
Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Помимо романа «Тяжелые сны» Сологуб писал в Вытегре рассказы, писал педагогические статьи. Размышляя о воспитании, духовном оздоровлении молодого поколения, он в неопубликованной статье 1892 года «О телесных наказаниях» пишет о необходимости физического наказания детей: «...Нам нет дела до безотчетных антипатий общества. Оно гибнет, и нужно ему помочь, хотя бы розгами. Только дрянная и слабая натура удерживается от проступка страхом наказания. Сильная и энергичная натура предпочтет исполнение своей воли избежанию неприятных последствий своеволия.» Сын петербургской кухарки, с детства привыкший к жестокости старших, к розге, Сологуб и сам порой

был жестоким по отношению к своим ученикам. Да и ему самому перепадало даже взрослому от матери. В письме от 20 сентября 1891 г. к сестре в Петербург он пишет: «Маменька очень рассердилась и преобильно высекла меня розгами (за то, что поленился босым по грязи идти в темноте к нерадивому ученику — В. К.), после чего я уже не смел упрячиться... Пришел к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности и наказал розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины и строго приказал сечь чаще.» Поэтому-то во многих рассказах Сологуба родители и другие старшие бьют детей. В автобиографическом рассказе «Мечта на камнях» во флигеле огромного пятиэтажного дома кухарка-мать, живущая у барыни, «колотит» двенадцатилетнего сына Гришку за разбитую им чашку. Помимо этого наказания, мать не отпускает его гулять на улицу. Поэтому ему оставалось лишь мечтать: в коридоре, где на сундуке около чадной кухни он обычно спал, на улице, когда мать посылала за снедью для барыни. Мечтал «о разном». В мечтах он задавал себе мучительный вопрос: «Кто же я, посланный в мир неведомою волею для неведомой цели? Если я — раб, то откуда же у меня сила судить и осуждать и откуда мои надменные замыслы? Если же я — более чем раб, то отчего мир вокруг меня лежит во зле, безобразный и лживый? Кто же я?» В мире жестокости, душевной черствости детей называют не именами, а кличками. Имеющему чувство собственного достоинства мальчику «глупая кличка Гришка» была «совсем чужой, никак не соединенной с тем, что он сам о себе думал...» Вспоминая детские годы и взаимоотношения с матерью, Сологуб в одном из своих стихотворений писал:

Две клички мне даются розно:
Коль Федя — ласковая речь;
Коль Федькою поκληчет грозно,
Так, значит, захотела сечь.

Жилось ему крайне нелегко. Выросший в нищете, он, уже будучи учителем, постоянно нуждался в хорошей одежде и обуви. За неимением сапогов и более-менее приличных ботинок нередко ему доводилось приходиться в класс босым. По поводу босых ног и бедности Сологуб в статье «О телесных наказаниях» пишет: «И с тех пор, как босые ноги Христа попирали землю, бедность перестала быть постыдной сама по себе. Ибо плоть не может ничтоже,

— и вся сила, жизнь и свет в Духе» (РО ИРЛИ, Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 570. Л. 7).

Правдивый, принципиальный, гордый Сологуб часто наживал врагов, оттого-то на своих учительских местах долго не задерживался. Уличив директора Вытегорской учительской семинарии в присвоении казенных денег, он из-за конфликтной ситуации вынужден был оставить работу и уехать из Вытегры.

Как бы тяжело ему не приходилось, годы, прожитые в небольшом северном уездном городке, не прошли даром. В Петербург он приехал с огромным творческим багажом. Опубликованные в столичных журналах и вышедшие отдельными изданиями романы «Тяжелые сны» и «Мелкий бес», написанные им на материале вытегорской жизни, принесли ему мировую славу.

ОРЛОВСКИЕ И БЕЛОЗЕРСКИЕ ЛЕСКОВЫ

В «Автобиографической записке» великий русский писатель Николай Семенович Лесков писал: «По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше молодое и незначительное, приобретено мной отцом по чину коллежского асессора».

Все предки Лескова по отцу были священниками в селе Лески Карачевского уезда Орловской губернии, расположенном в глуши брянских лесов. От названия села Лески произошла фамилия Лесковы.

Помимо орловских Лесковых были и белозерские Лесковы. Об этом свидетельствует выписка самого Н. С. Лескова из книги «Дворянские роды, внесенные в общий Гербовник Всероссийской Империи», составленной графом Александром Бобринским:

«Лесковы. (1626).

Предок его рода, Семен Семенов Лесков, по писцовым книгам 7134/1626 года владел недвижимым имением в Белозерском уезде Новгородской губернии, называемом Христово Гора. Потомки его служили российской правде в военной службе и состояли в разных чинах (Герб 12, 61,» цит. по книге А. Лескова «Жизнь Николая Лескова» ГИХЛ, М., 1954).

Показав в 1890 году бланкетный листок с этой родословной выпиской сыну Андрею, Лесков сказал: «Видишь, Семен Семенов! Совпадение?

Может, и нет! Случалось, что старые роды, захудевая, теряя вотчины, беднели, шли в духовенство, а то сползали до однодворческого крестьянства».

В Вологодском областном архиве хранится документ — прошение белозерского помещика Алексея Лескова на имя Вологодского губернского предводителя дворянства В. И. Богракова, чтобы он по ходатайствовал о разрешении его сыну Андрею, окончившему Вологодскую гимназию, продолжить образование во 2-м кадетском корпусе в Петербурге:

«Прежде сего обучаясь в разных учебных местах, сыном продолжено учение в Вологодской гимназии, — но так, как известно сие, что Вызываются из дворян по Высочайшему повелению, имеющие желание вступить во 2-й кадетский корпус, то и за моего сына покорнейше прошу» (Гаво, ф. 31, оп. 1, арх. № 17, стр. 33).

В связи с этим прошением, Бограковым был дан запрос Новгородское губернское Дворянское собрание — занесены ли Лесковы в дворянскую родословную книгу Новгородский губернский предводитель дворянства от 11 апреля 1813 года отзечал:

«На отношении «к» Вашего Высочайшего повеления ко мне честь имею Вам ответить, что прапорщика Алексея Лескова и сына его Андрея, в родословной, дворянским фамилиям

Новгородской Губернии книги не значится; да и при роде Василья Семеновича Лескова в книге их не показано. — А посему я и не могу доставить Вам требуемого о дворянстве последнему.» (ГенВ, ф. 31, оп. 1, арх. № 17, стр. 99).

Возможно, орловская и Белозерская ветви Лесковых происходят от одного родословного древа. Это были небогатые помещики поэтому многие из них не были внесены

в родословные дворянские книги, в некоторым, как отцу Лескова, приходилось выбиваться в дворянство долгой безупречной службой.

Иронизируя по поводу своей дворянской принадлежности, в письме к М. О. Меншикову от 10 июня 1893 года Н. С. Лесков писал:

«У нас с Вами, оказывается, одинаковое происхождение по линии плотского родства (попы и дворянская захудаль!»

С паспортом вологодского дворянина

Истая документы Вологодского — депутетского Дворянского Собрания, я среди известных дворянских фамилий: Засецких, Лавашевых, Грязевых, Каратаевых, Семеновых часто встречал фамилию Ленин.

Невольно приходила мысль — а не была ли эта фамилия связана с псевдонимом нашего вождя? И вот нашлось подтверждение этого в опубликованной в еженедельнике «Байт» беседе екатеринбургского журналиста С. Орлова с потомком вологодских Лениных кандидатом медицинских наук, председателем комиссии по охране здоровья, полковником Леонидом Львовичем Колосовым.

Из рассказанного известно, что родоначальником фамилии Лениных был отважный вихарский казак Иван Постник по прозвищу Губарь, живший в первой половине 17 века. Он командовал отрядом сибирских казаков, основал Якутский острог и Жиганское зимовье на Лене. Верхоянское зимовье на Яне. За это предприимчивый деловой казак был произведен в дворяне, награжден поместьями в Вологодской и Новгородской губерниях, внесен в шестую часть «Родословной книги Вологодской губернии, с фамилией Лениных.

В «Исповедных ведомостях Церквей Белозерского уезда» за 1773 год встречается населенный пункт Ленинская Слобода. Вероятно, это название была вотчина Ивана Постника — предка Лениных.

Прапрадед ныне живущего в Москве Л. Л. Колосова, Егор Федорович Ленин, был штабс-капитаном, принимал участие в Отечественной войне 1812 года, награжден орденом святой Анны 4 степени, был тяжело ранен, по ранению ушел в отставку. В сельце Рындино Грязовецкого уезда он имел небольшой надел земли и всего лишь три крепостных души (Гаво, ф. 31, оп. 1, д. 1166). За сыном Егора Федоровича, коллежским регистратором Александром Егоровичем Лениным в Вологодском уезде было 25 душ и 41 десятина земли в Новленской волости.

Еще Ленины владели землей в Устречкой волости Кадниковского уезда (в деревнях Тутчихе, Федосихе, Погорелках, (Гаво, ф. 31, оп. 1, д. 1277, стр. 275 об.).

Брат А. Е. Ленина, коллежский секретарь Николай Егорович Ленин был в одно время секретарем вологодского Дворянского собрания, избирался кандидатом в мировые посредники по Кадниковскому уезду. Его-то паспортом и воспользовался В. И. Ульянов.

С дочкой Николая Егоровича Ленина, Ольгой Николаевной, была знакома Надежда

История псевдонима ВОЖДА

Константиновна Крупская. Однажды Ольга Ленина сказала Крупской о том, что умирает ее отец Н. Е. Ленин.

Крупская попросила у Ольги для Владимира Ильича паспорт умирающего отца. Факт о передаче паспорта Н. Е. Ленина В. И. Ульянову упоминается также и в исследованиях петербургского историка М. Г. Штайна.

С 1900 года, имея паспорт вологодского дворянина, Владимир Ильич публикуется под псевдонимом Н. Ленин. Паспортом, в исправленном годом рождения, пользуется в подпольной работе и при выездах за границу.

*Также переплетен дворян-
ные*

ской фамилии в именованном вождя было губительно. Почти все представители этой знатной вологодской дворянской фамилии в годы красного террора в России были уничтожены.

Дед упоминаемого выше Колосова, Леонид Александрович Ленин, работавший до революции в Кадниковском уезде земским начальником, в октябре 1918 года был казнен в Устьсысольске, а то же время так же погибли и дети Николая Егоровича.

Создается такое впечатление, что у кого-то было явное желание убрать свидетелей передачи Ульянову паспорта Ленина.

«Живу вблизи пустого храма...»

Сергею Сорокину

(О «Вологодском пейзаже» Н. Рубцова)

Недавно мне довелось быть в бывшей коммунальной рубцовской квартире по Набережной 6-й Армии, в доме 209, что вблизи от храма Андрея Первозванного, где поэт проживал в соседстве с партийным работником А.В. Сидоренковым.

Живущие ныне в этой квартире супруги Заболоцкие приветливо встретили меня, показали светлую продолговатую комнату, в которой в 1968/1969 гг. жил Николай Рубцов, окном выходящую на реку Вологду.

- Однажды, - рассказывали мне Заболоцкие.

- А.В. Сидоренков спросил у Рубцова в квартире: «Коля, ты пишешь стихи, а написал ли ты что-нибудь о нашем доме.

о наших местах?» Рубцов тут же экспромтом выдал:

**Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой,
И городская панорама
Открыта вся передо мной.**

Так появился зачин стихотворения Рубцова «Вологодский пейзаж»

Подойдя к окну, я взглянул на другую сторону реки, чтобы самому увидеть все то, что видел поэт из своей комнаты.

Немного вправо за рекой виднелось вотхое темное деревянное одноэтажное здание Вологодского деревообрабатывающего завода, около которого, говорят, был раньше лесосклад. Был подъемный кран. Еще правее, ближе к мосту 800-летия Вологды, в летнее время лежит гора речного песка, что было и при Рубцове. Левее, ближе к Вологодской обойной фабрике, есть мостки, с которых летом и осенью женщины полощут белье, а мимо них по реке проносятся катера. Читаем у Рубцова:

**Там за рекою свалка бревен,
Подъемный кран, гора леска,
И торопливо - час не ровен! -
Полощут женщины с мостка
свое белье, - полны до края
Корзины этого добра,
А мимо, волны догоняя,
летят и воют катера.**

Дальше в стихотворении дано расширение панорамы Вологды:

Сады, желтеющие здания
Меж зеленеющих садов
И темный, будто из преданья,
Квартал дряхлеющих дворов...
Здесь дана обобщенная панорама

части города. «Желтеющие здания меж зеленеющих садов» поэт видел на стороне, где он жил, и одно из них хорошо виделось за рекой, двухэтажная желтая руина, которая до сих пор стоит на Пречистенской набережной недалеко от деревособрабатывающего завода. Не это ли желтое старое кирпичное здание Рубцов назвал в «Вологодском пейзаже» «архитектурным опусом»?

Архитектурный

чай-то опус

Среди квартала...

Дым густой...

«Дым густой» шел из высоких труб завода «Северный коммунар», в квартале, где жил Рубцов. Осенью поэт мог видеть не такие уж густые дымки труб жилых домов. А здесь угадывается летняя пора, о чем свидетельствуют «зеленящие сады», «летающие катера», подчеркивающие долговечность «кварталов дряхлеющих дворов» Вологды.

О наступлении цивилизации на провинциальный патриархальный деревянный город вещает первая строка замыкающего восьмистишия «Вологодского пейзажа»:

Где строит мост,

где роют яму

Из окна своей комнаты Рубцов видел правобережную часть строящегося моста 800-летия Вологды. За рекой, напротив его дома, экскаваторами копали котлован для поныне недостроенной гостиницы «Интурист», которая хорошо видна из его комнаты.

Пейзаж в стихотворении дополняют не только «летающие и воющие катера», но и трудяги-автобусы, которые в «час пик» один за другим идут по шестому маршруту. Дополняют пейзаж и каркающие вороны:

Везде при этом крик ворон

«Обрывающий панораму невозмутимый небосклон» в «Вологодском пейзаже» так же, как и в «Войне и мире» Л.Толстого, «голубое небо» подчеркивает безграничность, вечность мироздания и бренность бытия.

«И ХРАМ СТАРИНЫ...»

В заводском микрорайоне Вологды, на тихой Мишкольцкой улице живет Николай Васильевич Архипов.

Мое внимание привлекла картина Архипова с осенним пейзажем патриархальной Вологды, такой, какой она была еще в конце шестидесятых. На переднем плане - односторонние деревянные домики бывшей Гасиловской улицы (ныне ул. Чехова). За домами сквозь багряную листву деревьев видны маковка церкви Св. Власия, колокольня Софийского собора.

Всю жизнь Николай Васильевич Архипов хранил в своей душе любовь к родному неповторимому русскому городу... К его старым кривым улочкам, переулкам, к приземистым деревянным домам с резным кружевом наличников, резными палисадами и уютными двориками, к старым церквушкам, которых в Вологде было раньше больше пятидесяти.

Доброй половины вологодских церквей уже нет. Стерты с лица земли в приснопамятные 20-е, 30-е и последующие годы. Это с них так сильно сокрушался душой Николай Рубцов:

**И храм старины,
удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье,
меж этих померкших полей, -
Не жаль мне, не жаль мне
растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне
разрушенных белых церквей!..**

Еще не зажила душевная рана вологжан, нанесенная разрушением в 1972 году Спасо-Всеградского собора. Николай Васильевич рассказывал, как взрывали, разваливали танками остов главной святыни города, на месте которой в давнее время находилась деревянная, за ночь построенная церквушка

Спаса Всемилостивого, в 1655 году спасшая вологжан от морской язвы.

По велению души Н. В. Архипов делает макеты ныне существующих и снесенных вологодских храмов. Стоят в его квартире макеты Софийского собора, церквей: Константина и Елены, Иоанна Предтечи в Рощенье и Покрова-на-Торгу, храма Андрея Первозванного, Рождество-Богородицкого кафедрального собора. Особое место в архиповской коллекции представляют собой церковь Воскресения на ленивом Торгу и церковь Варлаама Хутынского. Церковь Воскресения - один из лучших храмов построенных в стиле позднего русского барокко второй половины восемнадцатого столетия.

Образцом екатерининского провинциального классицизма считается церковь Варлаама Хутынского, построенная в 1780 году на средства вологодского купца Узденникова, долго жившего в Петербурге. Можно предположить, что эту церковь проектировал столичный архитектор.

На создание макета мастер затрачивает месяц. Последняя его работа - двадцатидвухглавая Преображенская церковь Кижей, на которую ушло три месяца. Работа тонкая, кропотливая.

Содержание

В Суходоле.....	3
Ее любил Бунин.....	8
В бунинской Огневке.....	13
В Ефремове у Буниных.....	17
Бунин на севере.....	21
"Действительно нравился ей".....	26
(Вологжанка в судьбе Ивана Бунина)	
Ишюкентий Анненский.....	32
Константин Бальмонт в Вологде.....	36
"Помнишь ты, Ирина, осень?..".....	42
(Федор Сологуб в Вытегре)	
Орловские и белозерские Лесковы.....	47
С паспортом вологодского дворянина.....	49
(история псевдонима вождя)	
"Живу вблизи пустого храма...".....	51
(О "Вологодском пейзаже" Н. Рубцова)	
"И храм старины...".....	53

Владимир Ильич Кунов

"И ХРАМ СТАРИНЫ..."

(Записки краеведа)

Редактор А. А. Цыплов

Художник В. С. Иванов

Изданы автором